

Октавио ПАС

СТИХИ ИЗ СБОРНИКА «ВОСТОЧНЫЙ СКЛОН» (1969)

Перевод, вступление, комментарии Кирилла Корчагина

Октавио Пас (1914–1998) родился недалеко от Мехико. Отец Паса был видным деятелем Мексиканской революции. В детстве жил в Лос-Анджелесе, затем его семья вернулась в Мексику. Первые стихи опубликовал еще в начале 1930-х годов. Учился в Национальном автономном университете Мексики, изучал право, увлекался анархизмом и был знаком со многими левыми активистами, но бросил учебу и уехал работать сельским учителем в штат Юкатан. В конце 1930-х годов, во время гражданской войны, бывал в Испании; в середине 1940-х годов жил в США, а потом работал дипломатом во Франции, Японии и Индии. Считается одним из вождей международного сюрреалистического движения после ухода со сцены Андре Бретона. Автор многочисленных книг стихов и прозы. Эссе о Хуане де ла Крус, Клоде Леви-Строссе, Фернандо Пессоа и других поэтах и ученых. Лауреат множества литературных премий, в том числе Нобелевской премии по литературе (1980).

Отдельную страницу в обширном и многообразном творчестве Октавио Паса составляют тексты, связанные с Индией, где он провел почти шесть лет, с 1962 года по 1968-й. Правда, впервые он побывал в Индии существенно раньше – в 1951 году, в качестве атташе Мексиканского посольства, когда Мексика только-только установила с Индией дипломатические отношения: заметки об этом, относительно недолгом, путешествии составили первую главу книги «Отблески Индии» (1995), где можно найти описания двух крупнейших индийских городов – Бомбея и Дели. Тогда поэту, чтобы добраться до Индии, нужно было совершить морское путешествие – через йеменский порт Аден, а приплыть в Бомбей, где путешественников встречают знаменитые огромные Ворота Индии, возведенные в колониальном стиле всего за четверть века до конца Британского Раджа. До этого путешествия Пас живет в Париже, общается с поэтами и художниками, близкими к движению сюрреалистов – в путешествие он берет с собой небольшой сборник стихов поэта-мистика XV–XVI века Кабира (подарок Анри Мишо) и перевод Бхагаватгиты, который, по словам Паса, стал его «духовным проводником» в индийскую культуру. В следующий раз он вернется в Индию спустя одиннадцать лет в статусе мексиканского посла.

Пребывание Паса в Индии достаточно хорошо документировано: сам он написал об этом большое количество эссе, заметок и стихов, а исследователи довольно подробно показали, какое место индийское искусство и философия занимали в его творчестве. Пас был знаком со многими представителями современной ему индийской культуры, дружил и переписывался с художниками и поэтами, участвовал в совместных с ними проектах. И можно даже сказать, что без его деятельного участия индийская новаторская культура была бы несколько иной. Конечно, было и другое влияние: в том же 1962 году в Индии окажется Аллен Гинзберг, заразивший идеями бит-поколения большое количество молодых литераторов, в том числе и тех, знакомство с которыми водил и Пас. Индийский период Паса закончится в 1968 года, когда он покинет пост в знак протеста против расстрела участников студенческой демонстрации в Мехико.

Пас довольно много писал об Индии: это и поэтические произведения, и эссе с вдумчивым анализом политической ситуации (индийская политика от Ганди до Неру), и наброски антропологических работ (эссе о варнах и кастах) и многое другое. Ключевые книги Паса об Индии – сборники эссе «Соединение и разъединение» (1969) и уже

упоминавшиеся «Отблески Индии», поэма в прозе «Грамотная обезьяна» (1974), сборники стихотворений «Восточный склон» (1969) и поэма «Blanco» (1967), русский перевод которой вышел в № 3 журнала «Перевод». Если «Blanco» – цельное герметическое повествование, то стихи «Восточного склона» гораздо более укладываются в рамки традиционной лирики, а обилие в них примет тех или иных мест позволяет воспринимать их как своего рода поэтический травелог.

Дипломатическая служба позволила Пасу не только объехать всю Индию, но и побывать в соседних Пакистане и Афганистане. И обо всем увиденном он пишет нередко в почти телеграфном стиле, перечисляя в скупых поэтических строках все увиденное по пути. В какой-то мере эти стихи можно считать «туристическими»: они представляют собой монтаж впечатлений, первичной задачей которого оказывается фиксация мимолетного, попытка прикоснуться к Другому, почти всегда обреченная на провал. Тем не менее, в них можно увидеть Паса с неожиданной стороны – не как сюрреалистического теурга, занятого проблемами исключительно космического масштаба, но как внимательного и нередко ироничного фиксатора увиденного, сочетающего восторг и уважение перед индийской культурой со скепсисом к современным ему нравам (ощущение, знакомое каждому, кто посещал субконтинент).

В этой подборке, куда включены отнюдь не все стихи «Восточного склона», география тоже довольно обширна: есть здесь и Герат, древний персоязычный город в Афганистане недалеко от границы с Ираном; высокогорный перевал Танг-е гару, связывающий Пакистан с Афганистаном; Дели, который Пас исследовал лучше всего – ведь именно там располагались все иностранные посольства; Бомбей (ныне Мумбаи), самый современный и суетный город Индии, недалеко от которого располагается остров Элефанта – сокровищница древнего скального искусства; курортный штат Химачал Прадеш в предгорьях Гималаев, куда состоятельные индийцы отправляются спасаться от летней жары; Вриндаван – священный город кришнаитов, построенный, по преданию, ровно в тех местах, где Кришна развлекался с пастушками; и, наконец, мыс Коморин – самая южная точка субконтинента. За пределами подборки остались стихи, посвященные и другим, не менее интересным местам. Чтобы путешествовать по Индии вместе с Пасом было немного легче, мы дополнили подборку небольшим реальным комментарием: Пас и сам считал, что без комментария некоторые из этих стихов трудны для понимания, и в изданиях «Восточного склона» всегда такой комментарий присутствовал – мы несколько расширили его, хотя в некоторых случаях посчитали нужным процитировать самого поэта.

Счастье в Герате

Карлосу Пельисеру

Пришел сюда
я, пишуший эти строки,
без какой-либо мысли:
лазурно-зеленая мечеть,
шесть обрубленных минаретов,
две или три гробницы
в честь святого поэта,
имена Тимура и предков его.

Мне встретился ветер стодневный.
Еженощно он засыпал их песком,
впивался в лицо, веки сжигал.

Буря всухую.
Белый стервятник
клюет свою тень.

Химачал Прадеш (3)

5 маленьких мерзостей
видел, слышал, съел:

Пиршество грифов.
Сожрали столько, что не взлететь.
Недалеко, на скале,
калека-орел ожидает,
что оставят ему от падали.

На веранде *dak bungalow* барристер
из Нагпура вылавливает иностранца
и на слащавом английском предлагает выпить,
корзину слив со своего огорода, карту,
карри на перекус,
правдивые местные новости,
подняться к нему на балкон с видом поистине
уникальным... Жена его искоса смотрит
на это, бормоча оскорбления на хиндустани.

То ли чтобы подышать воздухом или застать
этот момент перемирия,
когда полумесяц поистине –
чистый разум, а солнце – всегда солнце,
пожилая пара выходит наружу.
Оживленно они воскрешают
ярость и страсть насекомых.
Грохот сухих семян:
время для препирательств.

Во дворике клуба шесть эвкалиптов
утопают то ли в меду, то ли в свете,
трое англичан переживших Британский Радж
обсуждают с сикхом крикетный матч в Сиднее,
индийские матроны играют в бридж,
пария на корточках моет полы, стараясь
быть незаметным, черная звезда
разрывается в моей голове как граната
(В ПАРИЖЕ ПОДОЖГЛИ БИРЖУ,
ХРАМ КАПИТАЛИЗМА),
сосны отбрасывают тени на холм.

Пыль и птичьи крики
над палящим полднем.
Я пишу эти бесславные строки.

У мыса Коморин

Херардо Денису

В разбитом лендровере
в середине залитого поля.
Деревья с водою по горло
под новорожденным небом
и белые птицы-флегматики,
цапли и чайки, чистейшие
среди театральной зелени.
На затопленном болоте –
глупые блестящие буйволы,
почти совершенно спящие,
водяные лилии.

Шайка

обезьян-попрошак. Чудесный
ползучий разум, желтый козел
на заостренном камне. Ворон
сидит на козле. И невидимое,
но постоянное, ощущение страха:
не паук и не кобра, Непостижимость,
космическое безразличие,
где подлые и роскошные формы
процветают и отмирают: тщетная толкотня.
Две вспышки в недвижимом пространстве:
солнце вместе с луной. Темнеет.
Зимородок – мгновенный
топаз. Но больше всего угля.
Истаивает в удушье пейзаж.
Кто я? В муках душа или в странствии тело?
Истаивает заглохший лендровер.

Вриндаван

Окруженная ночью
листва шепотов необъятна
широки тончайшие пологи
дуновенья
я пишу перестаю
пишу

(Все что есть, чего нет
все безмолвно ветшает
на этой странице)

Пару минут назад
на машине я мчался
между притихшими домами
Мчался

между пылающими мыслями
Поверх звезд
 тишайших садов
Я был деревом и говорил
покрыт был листвой и глазами
Я был шепотом проносящимся
роем образов
(И вот я слежу за судорогой
знаков
 черный на белом
маленький садик букв
высажен в свете лампы)

Мчался на машине
по спящим предместьям мчался
вслед за своими мыслями
 своими, но и чужими
Реминисценции пережитки фигурации
имена
 То что осталось от искр
 и вечерних смешков
 танец часов
 марш созвездий
и прочие общие места
Верю ли я в людей
 или в звезды?
Я верю
 (здесь вторгается
многоточие)
 Я вижу

Портик трухлявых колонн
скульптуры слепленные чумой
нищих в два ряда
 зловоние
царь на троне
 окруженный
как будто наложницами
покачиваньем ароматов
чистых почти материальных дрожащих,
от сандала и до жасмина, их мороком
Гниение
 лихорадка форм
 лихорадка времени
в их обезумевших сочетаниях
Хвост павлина вселенная вся
глаз мириады
 в иных глазах отраженных
модуляции реверберации одного только глаза
одинокое солнце
 скрытое
за пеленою прозрачности

приливы чудес
Все пламенело
 камни девы вода
Все ваяло себя
 из цвета и формы
из формы и пламени
 Все рассеивалось
Музыка металла и дерева
в келье богов
 матка храма

Музыка
как вода и ветер совместно
и над сцеплением звуков
человеческий голос
луна в течке полудня
След от развоплощенной души

(Пишу, не зная развязки,
о том, о чем я пишу
 Ищу между строк
Мой образ лампада
 что зажжена
посередине ночи)
 Бродяга
обезьяна Абсолюта
 скрючен
на корточках
 покрыт бледным пеплом
sadhu смотрел на меня и смеялся
Со своей мостовой он смотрел на меня
 дальше дальше
как животные и святые смотрят смотрел он
Голый лохматый замаранный
недвижный луч глаза-минералы
С ним я заговорил
он в ответ заурчал животом
 Ушел ушел
Куда?
 в какую область бытия
в какое существование в ненастье каких миров
каких времен?

 (Пишу
каждая новая буква зародыш
 Память
тверда в своих приливах
и повторяет все тот же полдень)

Ушел ушел
 Святой пройдоха святой
в экстазе от голода или наркотиков
Может он видел Кришну

лазурно-искристое дерево
всплеск ночной взрывающий засуху
Может в расколотом камне
он нащупал женские формы
и его нарыв
головокруженье без формы
Потому
он живет на пирсе где сжигают мертвых
Одинокие улицы
дома и тени от них
Все одинаково и различно
Мчалась машина
я был неподвижен
между своими разверстыми мыслями

(Ушел ушел
Святой паяц святой нищий проклятый царь
это все то же
то же всегда
и о том же
Всегда в себе самом он
заключен
в то же самое
В него самого включен
идол прогнивший)

Ушел ушел
с мостовой он смотрел на меня
смотрел на меня
со своего бесконечного полдня
Я там в беспокойный час
Машина мчится между домами
И пишу я при свете лампы
Вечности абсолюты
и все в таком роде
не моя это тема
Я голоден до жизни, а с нею до смерти
Я знаю во что я верю и что я пишу
Предвестье мгновения
действие
движение в котором оно ваяет себя
и разрушается внутреннее бытие
Сознание и руки чтобы схватить время
я это история
себя сотворившая память
Теперь только я
всегда говорю с тобой
ты говоришь со мной
Пока я иду в темноте и расставляю знаки

Сумерки

Как приоткрытую прозрачность,
такую сумрачную, держит
свет, испускаемый садом?

Все отягощенные ветви
склоняются в сторону ночи
под тяжестью птичьего бремени.

И по изгородям – нетронуты
в непрестанном сиянии –
мгновения отрешенные.

На свиданиях с ночью
обращаются рощи
в фонтаны безмолвные.

Ринется птица, трава
потемнеет, границы
сотрутся, известь черна,
и в мир невозможно поверить.

Перевал Танг-е гару

Эмилю Чорану

Изрубленная земля:
помечена орудиями зимы,
весна в облаченье колючем.

Слюдяные горы. Черные козлы.
Под их сонными копытами
сланец угрюмый блестит.

Недвижное солнце, прибито
к огромному каменному рубцу.
Смерть помнит о нас.

Воскресенье на острове Элефанта

Проклятье

У подножий возвышенных изваяний,
изуродованных мусульманами и португальцами,
толпы устроили мусорный пикник
для ворон и собак.

Я проклиная их сто раз родиться
среди свалки,

а прочих –
веками из плоти живой высекать

среди ада толпу изваяний.

Призыв

Шива и Парвати:

 вам поклоняемся
не как божествам,
 как образам
божеского в человеке.
Вы то, что делает человек, не то, что он есть,
то, чем должен стать человек,
когда вдоволь намучится повседневным.

Шива:

 твои четыре руки – это четыре реки,
четыре потока.

 Все твое сущее – источник,
где омывается прелестная Парвати,
покачиваясь как изящная лодочка.

Море дрожит на солнце:

это улыбка на полных губах Шивы;
море это долгое полыханье:
это шаги Парвати по водам.

Шива и Парвати:

 эта жена – моя,

а я –

 никаких просьб, ничего,
исходящего из иного мира:

 только

свет над морем,
босой, над спящим морем спящей землей.

Комментарии

Счастье в Герате

Герат – старинный город на западе Афганистана. Уже в древности был важным торговым центром на Великом шелковом пути. Входил в империю Александра Македонского. Герат был главным центром так называемого «тимуридского возрождения». Оттуда происходило множество деятелей классической персидской культуры – прежде всего, поэт Джами и художник Бехзад. Отсюда родом был и родоначальник узбекской литературы Алишер Навои.

Карлос Пельисер (1897–1977) – мексиканский поэт, один из ранних представителей модернизма. Был известен как путешественник и пропагандист мексиканского искусства.

Ветер стодневный – ветер, который дует в Герате летом.

Святой поэт – имеется в виду суфийский мистик и теолог XI века аль-Ансари. Одно из основных его сочинений, «Стоянки шествующих», представляет собой подробное руководство для подвизавшихся на суфийском пути. По свидетельству Паса, в саду,

окружающем его могилу, стоит засохшее дерево, в которое верующие вбивают гвозди, чтобы защититься от сглаза и исцелить зубную боль.

Тополя зашагали – традиционный образ классической персидской поэзии, встречающийся, например, в знаменитом стихотворении Рудаки о Бухаре. Ср. в переводе Ильи Сельвинского:

Ветер, вея от Мульяна, к нам доходит.
Чары яр моей желанной к нам доходят...
Что нам брод Аму шершавый? Нам такой,
Как дорожка златотканая, подходит.
Смело в воду! Белоснежным скакунам
По колена пена пьяная доходит.
Радуйся и возликуй, о Бухара:
Шах к тебе, венчанная, приходит.
Он – как тополь! Ты – как яблоневоый сад!
Тополь в сад благоухания приходит.
Он – как месяц! Ты – как синий небосвод!
Ясный месяц в небо раннее восходит.

Лазурный купол украшает мавзолей Гаухаршад бегим (1379–1457), жены правившего в Герате тимурида Шахруха, младшего сына Тимура. Вокруг мавзолея разбит парк, традиционное место женских прогулок.

Куфийская вязь – орнаментальная форма арабского письма, которая часто используется для украшения монументальных сооружений.

Бодхисатва – см. комментарий Паса: «Бодхисатва – будущий Будда до того, как он достиг нирваны. Для буддизма *хинаяны* идеал совершенства – *архат*, мудрец, достигший блаженства посредством уединенной медитации, следуя примеру Будды; для адептов буддизма *махаяны* такой идеал – *бодхисаттва*, который, движимый бесконечной мудростью (*праджня*) и не менее бесконечным состраданием (*каруна*), отрекся от нирваны, чтобы помочь всем живым существам в их пути к просветлению (*бодхи*). Однако бодхисаттвы не являются ни богами, ни святыми в христианском и мусульманском смысле этого слова: они не-сущности, их сущность – пустота (*шуньята*)».

Тридцать два знака – согласно буддизму *махаяны*, *бодхисатву* можно узнать по определенным знакам или отметинам, обычно их число тридцать два.

Алмазное тело – согласно буддизму *махаяны*, Будда проявляет себя в трех аспектах (телах): *нирманакая* (феноменальное тело), *самбхогакая* (тело блаженства) и *ваджракая* (алмазное тело). Феноменальное тело – это Будда в повседневном мире, тело блаженства – это мистическая форма Будды, алмазное тело – высшее проявление его духовной сущности.

Могила Амира Хосрова

Низамуддин Аулия (1238–1325) – суфийский святой, принадлежавший к тарикату Чиштиа. В старом городе Дели находится большой мемориальный комплекс, возникший вокруг могилы Низамуддина. Он и описывается в стихотворении Паса.

Амир Хосров (1253–1325) – поэт и ученый. Писал на персидском и местном диалекте Северной Индии, легшем в основу языков хинди и урду. Считается родоначальником новой индийской поэзии. Семья Амира Хосрова происходит из Центральной Азии и имела, по всей видимости, тюркское происхождение. Низамуддин Аулия был его духовным наставником: они умерли в один год, и их могилы находятся рядом в мемориальном комплексе Низамуддина. На гробнице Хосрова можно прочитать персидскую надпись: «Поэт с красноречием попугая».

Golden Lotuses (2)

Сан-Хосе – столица Коста-Рики, небольшой страны в Центральной Америке.

Парсиец – Мумбаи (Бомбей) известен крупной общиной парсийцев – персов-зороастрийцев, сбежавших от исламского завоевания в VII–VIII веке. Нередко парсийцы – обеспеченные люди, принадлежащие к крупной городской буржуазии.

Химачал Прадеш (3)

Химачал Прадеш – регион в западных Гималаях. Существует мнение, что гимны Ригведы были сочинены именно здесь.

В Париже подожгли биржу – стихотворение написано в 1968 году во время студенческих волнений в Париже.

У мыса Коморин

Корморин – мыс, представляющий собой самую южную точку континентальной Индии.

Херардо Денис (1934–2014) – мексиканский поэт испанского происхождения, известен своим интересом к разговорной речи и поэзии повседневности.

Вриндаван

Вриндаван – город в штате Уттар-Прадеш. Считается, что в древности на месте современного города находился лес, в котором Кришна провел часть детства и юности.

Садху – странствующий аскет в индуизме.

Ушел ушел – формула «ушел, ушел на другой берег» часто встречается в сутрах *Праджняпарамиты*. Это значит, что мудрец вышел за пределы феноменального мира и теперь пребывает в совершенной мудрости.

Лазурно-искристое дерево – в традиционной индуистской иконографии Кришна обычно изображается с кожей синего цвета.

Перевал Танг-е гару

Танг-е гару – старая дорога из Кабула в Пешавар. Во времена Паса использовалась только кочевниками и редкими путешественниками. Однако затем по этому маршруту была проложена автомобильная дорога, до сих пор функционирующая и остающаяся важной транспортной артерией, связывающей Афганистан и Пакистан.

Эмиль Чоран (1966–1995) – румыно-французский писатель-эссеист. Икона современного нонконформизма с правоконсервативным уклоном. Был близким другом Мирчи Элиады и Эжена Ионеско.

Воскресенье на острове Элефанта

Элефанта – остров в Аравийском море недалеко от города Мумбаи, где находится большое собрание скального искусства, посвященного богу Шиве. Дата создания памятников колеблется между V и VII веком. Название острову дали португальцы, они же нанесли многим статуям урон из религиозных соображений.